

УДК 930.25:82-6

ПИСЬМА САМАРСКИХ ЛИТЕРАТУРОВЕДОВ В ЛИЧНОМ АРХИВЕ Е.Г.БУШКАНЦА

© 2016 Л.Е.Бушканец

Бушканец Лия Ефимовна, доктор филологических наук, и.о. профессора кафедры русской и зарубежной литературы Высшей школы русской и зарубежной литературы Института филологии и межкультурной коммуникации им. Л.Толстого. E-mail Lika_kzn@mail.ru

Казанский федеральный университет

Статья поступила в редакцию 20.06.2016

Предмет статьи – история Зонального объединения литературоведческих кафедр Поволжья на этапе его создания и функционирования в 1950 – 1980-е годы. Основная тема – взаимодействие литературоведов поволжских кафедр, психология провинциального ученого. Статья строится на материале, который впервые вводится в научный оборот – это письма самарских ученых в архиве казанского профессора Е.Г.Бушканца. Результаты анализа материала позволяют понять психологию литературоведа 1960 – 1980 гг. не только как ученого, но культурного деятеля и носителя нравственных традиций. Статья будет полезна для изучения истории поволжского, особенно самарского, литературоведения как факт самореконструкции науки.

Ключевые слова: история литературоведения, частные письма, провинция.

В последнее десятилетие в печати появилось немало новых источников личного происхождения по истории литературоведения второй половины XX в. Но в основном это публикации материалов известных ученых, связанных со «столицами». Но восстановить историю российского литературоведения без обращения к провинции невозможно. И здесь необходимы такие пока практически не введенные в научный оборот источники, как личные архивы литературоведов и, прежде всего, переписка. За последние десятилетия были осуществлены ценные публикации писем Ю.Г.Оксмана, К.Чуковского, Н.К.Азадовского и др. [1 – 9], при этом были определены текстологические принципы публикации и значение этих писем как источников. Архивы провинциальных литературоведов мало изучены – здесь заслуживают внимания работы о личных архивах В.А.Бочкарева [10] и публикации саратовских литературоведов др.

Когда публикации в 1990 – 2000-е годы только начались, то интерес общества к письмам ученых определялся тем, что они отражали эпоху: в них отразился конфликт интеллигенции и власти, тяжелые нравственные условия для научной работы и пр. Стали известны имена тех, кто писал доносы, занимался плагиатом, кто оказался жертвой обстоятельств или проявил нравственную стойкость. Во многих письмах литературоведы делились замыслами, размышлениями о своих «геро-

ях», в них звучало предупреждение о катастрофе, перед которой стояли гуманитарные науки – это было серьезное филологическое чтение. В письмах также отразилось состояние литературоведения в советские годы как социального института, то, что можно назвать «научным бытом». Письма провинциальных ученых кажутся на первый взгляд менее интересными. В них больше «научного быта» и меньше обсуждения проблем методологии литературоведения. Деятельность провинциальной гуманитарной интеллигенции вообще протекала в более сложных условиях – сильнее было давление местных властей, сложнее было вести серьезную научную работу (большая учебная нагрузка, невозможность поехать столицу в архив и пр.). И в этих условиях важной частью жизни была активная переписка – это позволяло ощущать себя частью той группы, которая сохранила традиции интеллигенции XIX века, они «передавались по наследству» и были формой «внутреннего диссидентства».

Одним из казанских литературоведов был Ефим Григорьевич Бушканец (1922 – 1988). Выпускник Казанского университета (1940 – 1948 гг. с перерывом на годы войны), в 1955 году в Саратовском университете защитил кандидатскую диссертацию, тогда же определились его научные интересы: история общественной мысли в России XIX века, региональная литература. В 1963 году в Пушкинском Доме (ИРЛИ) Е.Г.Бушканец защитил

докторскую диссертацию. С 1964 г. и до смерти в 1988 г. он заведовал кафедрой литературы Казанского государственного педагогического института. Тесные научные и личные контакты связывали его с заведующими кафедрами литературы, докторами филологических наук по всей стране. В архиве Е.Г.Бушканца сохранилось несколько тысяч писем. Все они были им самим систематизированы и разложены по папкам. Важное место занимают письма литературоведов Самары: 23 объемных письма Якова Ароновича Ротковича, 3 письма Льва Адольфовича Финка, 1 деловое письмо Иосифа Марковича Машбиц-Верова, 16 писем Виктора Алексеевича Бочкарева, 4 письма Ивана Владимировича Попова, 9 писем Лидии Ивановны Янкиной и 3 письма Сергея Алексеевича Голубкова. Е.Г.Бушканец неоднократно принимал участие в самарских конференциях, давал отзывы на работы самарских исследователей. Переписка началась с 1966 года, когда Е.Г.Бушканец стал заведовать кафедрой.

Все письма связаны с деятельностью Зонального объединения литературоведческих кафедр пединститутов Поволжья. Собственно, сама переписка началась с проблем объединения.

В 1960-е и 1970-е годы между Казанским педагогическим институтом и Казанским университетом сложились очень сложные отношения, во многом вследствие личных амбиций и особенностей характера тогдашнего заведующего кафедрой профессора Н.А.Гуляева. По поводу подготовки 8-й зональной конференции, которая должна была проходить в Казани в 1967 году, А.Я.Роткович писал 14 декабря 1966 года: «С величайшим недоумением и обидой мы прочитали недели три тому назад пригласительное письмо на научную конференцию, в котором не было упомянуто ни Поволжское зональное объединение литературоведческих кафедр педвузов, инициатор этих конференций, ни Казанский педагогический институт, которому в Волгограде, наряду с университетом, была поручена организация конференции, в знак чего Вы и были избраны зам. председателя оргкомитета. Если это не недоразумение, которое можно легко устранить, то положение создается довольно фальшивое. Каждый год мы испрашиваем разрешение провести (в последние три года совместно с экспертной комиссией) конференцию у нашего министерства. Дав нам разрешение, министерство обязывает педвузы (в том числе и те поволжские вузы, которые не входят в компетенцию экспертной комиссии) беспрепятственно командировать своих работни-

ков на зональную конференцию, соответствующему педвузу отпускаются средства и бумага на печатание «трудов» или хотя бы тезисов. Что же будет в этом году? Заявка нами была подана и утверждена, но В.А.Бочкарев, будучи в Москве, показал приглашение, в котором не числится ни Зональное объединение, ни Казанский институт. Создается впечатление, что нас приглашает Казанский университет. Из ГУВУЗа я уже получил письмо по этому поводу. Не знаю, что им ответить. Почему в течение семи лет пединституты играли активную роль в организации своей научной жизни, а теперь отказались от этого?

Есть тут и второй вопрос. Н.А.Гуляев был только на одной конференции из семи, Л.Г.Юдкевич не был ни на одной. Гуляев не ладит с Пехтелевым. Всем им, вместе взятым, глубоко безразличны интересы пединститутов, кадров они не знают, с людьми, с которыми мы сроднились за много лет работы, не знакомы, некоторые аспекты работы (напр., методический) их совершенно не интересуют. Как известно, саратовские товарищи обычно ограничиваются одним-двумя циркулярными письмами. Выходит, что всякая преемственность в нашей работе устраняется, и все начинается заново. А ведь нами накоплены какие-то навыки, традиции, методы обращения с людьми, и люди к этому привыкли.

Особенно нам беспокоит судьба тех кафедр, которые не входят в зону обслуживания экспертной комиссии, но которые, как и куйбышевцы, казанцы, ульяновцы, были инициаторами наших конференций. Я имею в виду горьковчан, оренбургцев и др. Их ведь просто могут не пустить на конференцию, организованную в другом координационном центре.

Возможно, Вам наши тревоги кажутся неосновательными и несущественными. Вопрос, дескать, формальный. Очень прошу Вас учесть. Что и форма здесь имеет какое-то значение. Мы несем ответственность за этот раздел работы и, когда в позапрошлом году мы, куйбышевцы, решили отказать от этой работы в связи со встретившимися и тогда трудностями, нас призвали к порядку, и в весьма жесткой форме. Но важнее другое. За семь лет мы помогли очень многим товарищам защитить кандидатскую диссертацию, прикрепиться к вузам и руководителям, поступить в аспирантуру. В нашем объединении выросли докторские диссертации Бочкарева, Машбиц-Верова, Пинаева, Фарбера, покойной Слободской. Последние две мои книги создавались на глазах у объединения и с его помощью. Поэтому мы, куй-

бышевцы, и Бейсов, и Фарбер, и Пинаев и многие другие не хотят ломать организацию, которая складывалась годами.

Прошу, Вас, Ефим Григорьевич, написать, почему так получилось. Просто ли пренебрегли «формой», или так было указано экспертной комиссией, или распорядился Н.А.Гуляев, или Вы отказались участвовать в организации конференции. Мне надо ответить на запрос ГУВУЗа (возможно в конце месяца я буду сам в Москве), и я хотел бы знать, в чем дело».

Письмо это необычно для нашего времени тем особенным чувством личной ответственности за общее дело, которое было характерно для интеллигенции середины прошлого столетия. Вообще письма свидетельствуют о том, что провинциальная литературоведческая интеллигенция была близка к народническому типу. Нравственные качества «героев» научных изысканий были и нравственными качествами самих ученых.

Интересны и некоторые организационные вопросы проведения конференций. В следующем письме от 17 апреля 1967 г. А.Я.Роткович писал: «Напишите нам, пожалуйста, о конференции. Мы тоже не знаем, когда она будет. Как-то давно, Н.А.Гуляев писал, что ОБКОМ КПСС соглашается только на конец апреля. Потом Н.А.Бугаенко из Саратова сообщил мне, что срок будто бы передвинулся на начало июня, но ничего точного мы не знаем. На наши вопросы мы – В.А.Бочкарев и я – ответов не получаем. Правда, как-то я получил официальное предложение быть руководителем секции методики и список методических докладов, но так как другие руководители – В.А.Бочкарев и И.М.Машбич-Веров – подобных писем не получали, я сделал вывод, что мне написали специально для того, чтобы я знал пределы своих полномочий. Прошу Вас ни о чем этом университетским работникам не говорить, ссориться с ними я не хочу. Пусть дело идет так, как идет, надеюсь, что наше объединение не развалится, об этом я забочусь, поддерживая переписку с большинством кафедр».

О делах объединения писал и Иван Владимирович Попов, например, 21 февраля 1980 г.: «На кафедре новостей особых нет. Ездил недавно (вместо Виктора Алексеевича) в Саратов на заседание Поволжского совета литературоведческих кафедр при С.Г.У. разговор шел о наших общих делах, о координации научной и издательской деятельности, о предстоящей Астраханской конференции, которая делается юбилейной для нашего объединения (20 лет)».

Поскольку провинциальный ученый ощущал себя «наследником традиций», то он должен был оставаться «культурным деятелем» и внутренне гордился этим, то письмам большое место занимают «отчеты» о конференциях, лекциях. Не случайно рецензент издания переписки Ю.Оксмана и М.Азадовского спорил с тем, что «в жизнеописаниях героев XX века на роль властительницы их судеб обычно претендует политика»: «Вчитываясь в них [в письма ученых – Л.Б.], мы чувствуем, что средоточие жизни их авторов – это филологическое исследование; все остальное: мытарства по издательствам, травля, быт – периферия, которая, увы, слишком назойливо и болезненно обращает на себя внимание. <...> Наблюдая за диалогом ученых, мы понимаем, почему научное творчество – творчество коллективное. <...> Именно потому столь велика для нормального развития науки роль научной общественности» [12].

Переписка была взаимной поддержкой в тяжелых нравственных условиях. Отсюда просьбы о поддержке, оппонировании, отзывах и пр. 17 апреля 1967 г. А.Я.Роткович писал: «Не возьметесь ли Вы за оппонирование диссертации хоть и методической, но с очень сильным филологическим (литература XIX века) уклоном. Речь идет о диссертации аспирантки И.С.Тимошенко «Проблема единства эмоционального и логического в восприятии эпического произведения в старших классах школы». Диссертация написана в духе новых веяний – с акцентом на воспитание образного мышления, эстетического восприятия и проч. Время защиты – сентябрь-октябрь. Я испытываю в последнее время большие трудности в связи с запрещением ВАКом выступать первыми оппонентами профессорам без докторской степени. По методике сложилось трагикомическое положение, поскольку в Федерации практически остался один методист со степенью – я. Есть еще В.В.Голубков, но ему 87 лет, и А.А.Липаев, но он, как специалист по национальным школам, не очень котируется в ВАКе. Впрочем, я пригласил и его, но по другой диссертации, больше дидактического характера. Выручайте, Ефим Григорьевич! Диссертантка острая, мыслящая молодая женщина, работа у нее неглупая». Поскольку Е.Г.Бушканец опасался оппонировать диссертации по методике, то А.Я.Роткович писал ему 18 мая того же года: «Теперь относительно диссертации И.С.Тимошенко. Получив Ваше письмо, очень дружелюбное и гуманное, я решил все-же испробовать все возможности, чтобы избавить Вас от неприятного Вам дела. Я обратился к единственному методисту-доктору Федерации (не

считая 87-летнего В.В.Голубкова и меня) А.А.Липаеву, который уже ангажирован нами на оппонирование другой диссертации, более дидактического плана. Сегодня, проводя отпуск на Волге, А.А.Липаев посетил меня со своей супругой, и я наговорился с ним всласть. Выяснилось, во-первых, что у него на столе восемь диссертаций. Это правдоподобно, так как он работает в институте начальных школ и курирует преподавание литературы во всех союзных и автономных республиках. Оказалось, во-вторых, что он довольно глубокий старик, привыкший к упрощенному, адаптированному преподаванию в национальной школе, мало сочувствует тому, чем теперь живет и литературоведение, и методика. Давать человеку столь консервативных взглядов свежую работу просто небезопасно, тем более, что большинство молодых он вообще подозревает в карьеризме, из-за которого, дескать, они и стремятся в науку. Одним словом, – старик! Поэтому я вновь пишу Вам».

Обстоятельства жизни провинциального литературоведа - «научный быт» – были сложными. А.Я.Роткович писал 26 марта 1970 г.: «Наконец мы сбили программу конференции и сдаем ее в печать. Это было очень трудно, т.к. пришлось выбирать почти из 200 заявок. Теперь мы дрожим в предвидении трудностей с расселением, хотя Обком и обещает нам помощь. Он же определил и срок конференции – 2 – 5 июня. Ваш доклад мы вынесли на пленарное заседание. Но Вас же мы просим (совместно с П.С.Бейсовым и Л.Г.Юдкевичем) возглавить секцию критики и журналистики. В прошлые годы эта секция оставалась без руководства и потому не пользовалась большим доверием. В этом году секция получилась полноценной, сильной, доклады кафедры журналистики остались в меньшинстве, много докладов по критике, весьма квалифицированных. Такую секцию надо достойно возглавить! Вы, вероятно, уже знаете, какая неприятность у М.Т.Пинаева. У нас на Волге за последние годы сложилась своеобразная мафия, которая охотится за докторантами (ср. судьбу А.И.Иванова, А.К.Бочаровой). На ближайшем заседании Ученой комиссии должны обсуждаться «Уч. Записки» Волгоградского пединститута. Здесь можно будет вступить за Пинаева, и я это сделаю, если смогу приехать». Или читаем в его же в письме 4 мая 1971 г.: «Получил от З.Е.Либензона письмо, в котором хорошее смешано с горьким. Его диссертация принята к защите в Герценовском институте, назначены оппоненты. Так как в организации этой защиты я сыг-

рал некоторую роль (договорился с председателем Совета С.Г.Ильенко), он посвящает меня во все детали дальнейших событий и выражает надежду, что успеет защитить еще до инфаркта. А инфаркт у Л.М.Фарбера. Он, наконец, утвержден, но пока прикован к постели. Да и на работе у него неважно. Не знаю, как и писать ему, с чем поздравлять. С болезнью, с дрызгами, которые его оплели...».

Виктор Алексеевич Бочкарев неоднократно жаловался на огромную нагрузку и то и дело сетовал, что остается без летнего отдыха: «Сердечно благодарю Вас за ценный подарок – книгу «Русская литература и освободительное движение». Я не успел еще прочитать ее. Смогу этим заняться лишь в июле. А откликнуться хочется. Полистал, посмотрел оглавление. Сразу видно, что книга очень важная, очень нужная. <...> Простите, что очень нескладно написано – тороплюсь к заочникам. Я тоже сидел на госэкзаменах в качестве председателя ГЭК. А теперь сочиняю всякие отчеты, составляю нагрузки и т.п.» (июнь 1969 г.), «Мы сдали в печать кафедральные «Записки». Готовим к печати следующий выпуск. Осваиваем новый учебный план. Что нового в Вашем институте, на Вашей кафедре? Удалось ли Вам отдохнуть в летнее время? Передайте, пожалуйста, привет всем сотрудникам Вашего кафедрального коллектива» (27 сентября 1970 г.). 21 марта 1973 года А.Я.Роткович хвастался: «Из своей длительной поездки в Москву и Ленинград я вернулся далеко не в добром здравии, пришлось отлёживаться несколько дней. Зато я успел среди других дел поставить некоторый рекорд – за 12 часов выступить официальным оппонентом на двух докторских защитах в двух разных городах – у З.Я. Рез в Ленинграде вечером 4-го марта и у Н.И.Кудряшева в Москве утром 5-го марта. Такие нынче пошли лихие старики!» И вот остросовременное его же письмо от 8 июня 1974 г. незадолго до смерти (1975) Е.Г.Бушканцу, недавно перенесшему инфаркт: «В последнее время я серьезно прихварывал (сердечная недостаточность, аритмия) и не мог написать Вам. Теперь мне лучше, да и Вы, как мне пишут, поправляетесь после болезни, так что мы можем возобновить нашу дружескую переписку. Мы очень переутомляемся, часто разъезжаем, много нервничаем, почти не отдыхаем, – надо подумать о более рациональном режиме жизни. Организационная работа и заседательская суэта занимают основную часть нашего рабочего времени, как будто мы и не научные работники. Вот и теперь я откладываю из месяца в месяц

свои основные дела во имя повседневной текучки. Отдохните хорошенько хоть сейчас, дорогой Ефим Григорьевич, наберитесь сил для будущего учебного года, который ведь тоже будет не легким. Едва ли есть объективная польза от того, что мы плохо отдыхаем и работаем на износ. Выздоровливайте побыстрее, надеюсь вскоре получить от Вас письма с добрыми вестями».

Отличительной особенностью писем было то, что в них проявлялась порядочность их авторов, чувство товарищества и стремление оценивать человека по его нравственным качествам. А.Я.Роткович писал 18 июня 1970 г.: «Ваш приезд в Куйбышев, доставивший нам всем (мне же – в особенности) большое удовлетворение, породил в качестве побочного продукта и некоторое замешательство. Директор музея М.Горького М.П.Лимарова рассказала Л.И.Янкиной свой разговор с вами, в котором Вы, невысоко оценив возможности местных горьковедов, включая и саму Янкину, заявили о том, что приметесь за тему «Горький и Самара» сами. У женщин даже сложилось впечатление, что речь идет о большой монографии. Последнее и всполошило Л.И.Янкину. Дело в том, что она уже лет пять-шесть работает над диссертацией «раннее творчество М.Горького и литературное движение 90-х годов». Центром этой работы является самарский период творчества Горького. Кое-что на эту тему она уже напечатала, теперь печатается в наших «Ученых записках» раздел из 10 авт. листов и приняты в печать еще три статьи. После выхода этих работ институт наме-

рен отправить Янкину в докторантуру. В общем Янкина – добропорядочный работник (и очень порядочный человек!) и может создать полезную работу, если ей помочь организационно и по существу. Но очень мнительна! Я ей пытался разъяснить, что едва ли у вас появится фундаментальный интерес к этой частной теме, но она продолжает тревожиться. Буду рад узнать Ваше мнение по всему сказанному, не осложненное дамскими аберрациями».

Многие письма написаны несколько «церемонным» и старомодным, но именно потому подкупающим стилем. Так написано письмо В.А.Бочкарева от 9 октября 1967 г.: «Выражаю Вам глубокие соболезнования в связи с кончиной Вашей родительницы. Мои товарищи по кафедре просили передать Вам, что они также разделяют с Вами Вашу скорбь, вызванную потерей столь близкого Вам человека. Из калининского пединститута пришел весьма положительный «внешний» отзыв о диссертации Р.С.Шнейдермана. <...> Глубоко сочувствуя Вам, диссертант почтительно и терпеливо будет ждать того времени, когда самая острая боль понесенной Вами утраты несколько уменьшится и Вы сможете вернуться к рассмотрению его диссертации».

Вывод. Переписка казанских и самарских ученых – свидетельство того литературоведческого товарищества, которое когда-то способствовало созданию Зонального объединения литературоведов Поволжья и сейчас поддерживает его существование.

1. «Искренне Ваш Юл. Оксман»: (Письма 1914 – 1970 годов). Публикация М.Д.Эльзона; предисл. В.Д.Рака; примеч. В.Д.Рака и М.Д.Эльзона // Русская литература. СПб., 2004, № 1. С. 145–199.
2. Абросимова, В.Н. «Правда всегда одна!» Письма академика Н.М.Дружинина Ю.Г.Оксману // Вестник РАН. М., 2000, № 12. С. 1120–1126.
3. Абросимова, В.Н. Из саратовской почты Ю.Г.Оксмана // Новое литературное обозрение. М., 1998, № 34. С. 205 – 230.
4. Азадовский, М.К., Оксман, Ю.Г. Переписка. 1944 – 1954. М., Новое литературное обозрение, 1998. 410 с.
5. Грибанов, А.Б. Ю.Г.Оксман в переписке Г.П.Струве // Седьмые Тыняновские чтения. Рига; М., 1995–1996. С. 495 – 505.
6. Из архива Гуверовского института. Письма Ю.Г.Оксмана к Г.П.Струве / публ. Л.Флейшмана // Stanford slavic studies. Stanford, 1987, Vol.1. Pp.15–70.
7. Из переписки Ю.Г.Оксмана / вступ. ст. и примеч. М.О.Чудаковой и Е.А.Тоддеса // Четвертые Тыняновские чтения. Рига, 1988, С. 96–168.
8. Оксман, Ю.Г., Чуковский, К.И. Переписка. 1949–1969 / предисл. и коммент. А.Л.Гришунина. М., Языки славянской культуры, 2001. 187 с.
9. Письма Ю.Г.Оксмана к Л.Л.Домгеру. Темы и вариации: Сб. ст. и материалов к 50-летию Л.Флейшмана. Stanford, 1994. С. 470–544.
10. Тоддес, Е.А. Б.М.Эйхенбаум в 30–50-е годы: к истории советского литературоведения и советской гуманитарной интеллигенции // Тыняновский сб. Вып. 11. Девятые Тыняновские чтения. М., ОГИ, 2002. С. 563–694.
11. Русакова, Н.А. Опись материалов личного архива профессора В.А.Бочкарева, находящихся на хранении в Государственном архиве Самарской области // Самарские филологи. Виктор Алексеевич Бочкарев. Самара, Изд-во СГПУ, 2006. С. 206–210.
12. Беглов, А. Тусклое стекло [Рец. на: М.Азадовский. Ю.Оксман. Переписка. 1944–1954. М., Новое литературное обозрение, 1998. 410 с.]. <http://old.russ.ru/journal/kniga/98-08-19/beglov.htm>

THE LETTERS FROM SAMARA LITERARY SCIENTISTS IN THE PRIVATE ARCHIVE OF E.G.BUSHKANETS

© 2016 L.E.Bushkanets

*Leah Efimovna Bushkanets, Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature at the Higher School of Russian and Foreign Literature, Institute of Philology and Intercultural Communication Named after Leo Tolstoy.
E-mail Lika_kzn@mail.ru*

Kazan Federal University

The subject of the article is the history of the Regional Association of the literary departments of the Volga region at the stage of its creation and functioning in the 1950–1980s. The main theme is the interaction of literary scholars from different departments, the mentality of a provincial scientist. The article is based on new material firstly used in a scientific research – letters of Samara scientists from the archive of Kazan professor E.G. Bushkanets. The results of their analysis allow us to understand the mentality of scientist of the 1960 – 1980s as of a cultural and moral figure. The article can be used in the research of the Volga region and especially Samara literary study as a fact of self-reflection of science.

Key words: history of literature, private letters, province.

1. «Iskrenne Vash Iul. Oksman»: (Pis'ma 1914–1970 godov). Publikatsiia M.D.El'zona; predisl. V.D.Raka; primech. V.D.Raka i M.D.El'zona («Sincerely Yours Iul. Oksman»: (The letters of 1914–1970 years). Published by M.D.El'zon; preface V.D.Rak; notes by V.D.Rak i M.D.El'zon) // Russkaia literatura. SPb., 2004, № 1. S. 145–199.
2. Abrosimova, V.N. «Pravda vseгда odna!» Pis'ma akademika N.M.Druzhinina Iu.G.Oksmanu (Abrosimova, V.N. «Truth is always the same!» The letters of academician N.M.Druzhinin to Iu.G.Oksman) // Vestnik RAN. M., 2000, № 12. S.1120 – 1126.
3. Abrosimova, V.N. Iz saratovskoi pochty Iu.G.Oksmana (Abrosimova, V.N. From the Saratov mail of Iu.G.Oksman) // Novoe literaturnoe obozrenie. M., 1998, № 34. S. 205–230.
4. Azadovskii, M.K., Oksman, Iu.G. Perepiska. 1944 – 1954 (Azadovskii, M.K., Oksman, Iu.G. Correspondence. 1944 – 1954). M., Novoe literaturnoe obozrenie, 1998. 410 s.
5. Griбанov, A.B. Iu.G.Oksman v perepiske G.P.Struve (Griбанov, A.B. Iu.G.Oksman in correspondence with G.P.Struve) // Sed'mye Tynianovskie chteniia. Riga; M., 1995–1996. S. 495–505.
6. Iz arkhiva Guverovskogo instituta. Pis'ma Iu.G.Oksmana k G.P.Struve / publ. L.Fleishmana (From the archives of the Hoover institute. The letters of Iu.G.Oksmana to G.P.Struve / publ. by L.Fleishman) // Stanford slavic studies. Stanford, 1987, Vol.1. Pp.15–70.
7. Iz perepiski Iu.G.Oksmana / vstup. st. i primech. M.O.Chudakovi i E.A.Toddesa (From the correspondence of Iu.G.Oksmana / Preface and notes by M.O.Chudakova and E.A.Toddes) // Chetvertye Tynianovskie chteniia. Riga, 1988, S. 96–168.
8. Oksman, Iu.G., Chukovskii, K.I. Perepiska. 1949–1969 / predisl. i komment. A.L.Grishunina (Oksman, Iu.G., Chukovskii, K.I. Correspondence. 1949–1969 / Preface and notes by A.L.Grishunin). M., Iazyki slavianskoi kul'tury, 2001. 187 s.
9. Pis'ma Iu.G.Oksmana k L.L.Domgeru. Temy i variatsii: Sb. st. i materialov k 50-letiiu L.Fleishmana (The letters of Iu.G.Oksmana to L.L.Domgeru. Themes and variations: The book of articles to the 50-th anniversary of L.Fleishman). Stanford, 1994. S. 470–544.
10. Toddes, E.A. B.M.Eikhenbaum v 30-50-e gody: k istorii sovetskogo literaturovedeniia i sovetskoii gumanitarnoi intelligentsii (Toddes, E.A. B.M.Eikhenbaum in 30-50-e years: to the history of soviet literary science and soviet humanitarian intelligentsia) // Tynianovskii sb. Vyp.11. Deviatye Tynianovskie chteniia. M., OGI, 2002. S. 563–694.
11. Rusakova, N.A. Opis' materialov lichnogo arkhiva professora V.A.Bochkareva, nakhodiashchikhsia na khraneni i v Gosarkhive Samarskoi oblasti (Rusakova, N.A. The inventory of private archive of Professor V.A.Bochkarev, being kept in State Archive of Samara region) // Samarskie filologi. Viktor Alekseevich Bochkarev. Samara, Izd-vo SGPU, 2006. S. 206–210.
12. Beglov, A. Tuskloe steklo [Rets. na: M.Azadovskii. Iu.Oksman. Perepiska. 1944–1954 (Beglov, A. The Tarnished Glass [A review to: M.Azadovskii. Iu.Oksman. Correspondence. 1944–1954]). M., Novoe literaturnoe obozrenie, 1998. 410 s.]. <http://old.russ.ru/journal/kniga/98-08-19/beglov.htm>